

Инсценированный показательный суд,
соч. врачей Л. А. и Л. М. Василевских.

~~792~~
В

19. N ¹⁰/₂₅₂

К е.
ПРОВЕРЕНО 1934 г.

ПРОВЕРЕНО 1934 г.

СУД НАД САМОГОНЩИКАМИ.

Дело Карпова Тихона и его жены Агафьи

по обвинению в изгото-
влении и тайной торговле
самогонкой.

БИБЛИОТЕКА
№ 560 ✓
И-та Всеросс. Техн. Службы
1930

1923

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОКТАБРЬ“

Вторая Государственная Типография.

Гублит № 561.

Тираж 5.000 экз.

924034-00

О ПРИМЕРНЫХ СУДАХ.

(Вместо предисловия).

Предлагаемая читателю брошюра—первая в серии примерных санитарно-просветительных судов, издание которой предпринято Издательством „Октябрь“. Авторы считают не лишним дать здесь несколько предварительных указаний и советов по инсценировке подобных „судов“ и тех условий, выполнение которых необходимо для успеха санитарно-просветительной задачи, преследуемой Издательством.

Несомненно, примерным судам, как форме санитарно-просветительной пропаганды и агитации, предстоит большое будущее. Обыкновенные лекции на санитарно-просветительные темы, хотя бы и оживляемые волшебными картинками, демонстрациями и пр., привлекают, откровенно говоря, слабый интерес. Лучше принимаются санмитинги, ввиду их большей живописности и оживленности: участвует не все один и тот-же лектор, а сменяется на кафедре несколько человек, и кроме того, интерес поддерживается игрой оркестра в перерывах, хоровым пением в начале и в конце митинга.

Но и митинг—форма санработы малоудовлетворительная и она пригодна, главным образом, в острые, исключительные моменты и по отдельным боевым поводам, особенно эпидемическим, что соответствует призывному, ударному, так сказать, фону всякого митинга. К тому же санмитинг по самой природе своей не годится для сообщения аудитории сколько нибудь положительных знаний: они способны только призывать к определенным санитарным мерам, будить спящих, напоминать санитарные лозунги, но ни в коем случае не просвещать.

Большие преимущества перед санмитингом имеет диспут на санитарно-медицинские темы: этой форме санпросветработы придает остроту, а значит, и интерес наличие обмена мнений, состязание и борьба взглядов. Тут уже есть элементы драматизма, которые в полном своем виде отличают примерные суды и особенно формы использования театральной сцены в санпросветительных целях. Но поле применения санитарного диспута очень ограничено: для его устройства требуется несколько хорошо подготовленных, квалифицированных санпросветработников, которые могли бы предусмотреть всевозможные в течении диспута неожиданности, дать нужный отпор, вернуть прения в надлежащее русло и пр.

Самое же главное заключается в ограниченности поля применения сандиспутов: их темой, очевидно, не может быть любой вопрос положительного санмедицинского или гигиенического знания, а лишь вопрос более или менее спорный, дающий повод для разногласий, и при том не слишком специальный.

Переходим, наконец, к форме примерных (показательных) сансудов. Последние имеют огромное преимущество захватывающего интереса: все „суды“ такого рода проходят неизменно при напряженном внимании аудитории, атмосфера в зале положительно раскаляется. Конечно, достижение такого успеха зависит, прежде всего, от того, в какой мере участникам удалось придать инсценировке вид подлинности. Надо, чтобы неискушенный, быстро отдающийся драматическим впечатлениям слушатель и зритель чувствовали себя в подлинном суде, чтобы эта иллюзия не обрывалась и не нарушалась неуместными эпизодами или деталями.

От этого, между прочем предостерегает А. Мольков, авторитетный санпросветительный деятель, в статье о „Санитарном просвещении, его методах и задачах“ (сборник „Социальная гигиена“, вып. I, Го-

суд. Издательство, 1922) откуда мы черпаем некоторые сведения, приводимые ниже. Заодно отметим также небольшое предисловие А. Эдельштейна в изданной Наркомздравом (М. 1922, Госуд. Изд.), брошюре „Суд над гражданином Киселевым“.

А. Мольков очень правильно отмечает две серьезных опасности, которых не всегда избегают устроители сансудов на местах. Во-первых, в постаковки иногда вносятся шарж и карриатура, причем объектом суда делается не человеческая личность, а напр., вошь или холерная бактерия. Это сразу лишает суд наиболее ценного и плодотворного в нем—его жизненной правдивости и присущего суду серьезного, углубленно сосредоточенного внимания слушателей. Между тем, суд для слушателя должен всегда оставаться серьезным актом гражданской жизни, от которого зависит судьба человека.

Еще серьезнее другая опасность, именно использование для сансуда темы, разжигающей любопытство среди людей, ищущих не знания, а острых ощущений, для чего прибегают к крикливой рекламе и пр.

К сказанному мы считаем нужным добавить еще некоторые опасности, которых следует устроителям судов избегать, и условия, которые, в интересах дела, должны быть удовлетворяемы.

Прежде всего, не следует выпячивать в постановке—как в смысле режиссуры, так сказать, так и в смысле текста—ту санитарно-просветительную задачу, какая лежит в основе суда. Необходимо найти равнодействующую, целесообразно уравновесить судебнопроцессуальные элементы суда с элементами санпросветительными. Недопустимо, чтобы инсценировка суда превращалась в плохо замаскированную лекцию на медицинскую тему. Слушатель не должен чувствовать себя в положении больного, которому у него на глазах золотят горькую пилюлю и потом дают ее съесть. Лекция на известную санитарно-гигиениче-

скую тему, конечно, лежит по существу в основе всего суда, и речь врача-эксперта составляет идейное средоточие всего процесса, но это ядро не должно быть утомительно длинным, или слишком специальным, или невразумительным по форме.

Необходимо, чтобы перед разыгрыванием инсценировки участники имели, по крайней мере, две репетиции, причем вторая из репетиций уже „генеральная“ с полным знанием ролей (текста), в костюме и в гриме. Это важно для того, чтобы избежать на „процессе“ каких-нибудь шероховатостей и заминок, которые даже у профессионалов-актеров нередко разбивают все настроение в зрительном зале, а в данном случае и подавно. Кроме того, надо всегда учитывать опасность незаметного и трудно поправимого отклонения процесса от предустановленного сценария: пока все катится по заранее намеченному руслу, до тех пор никаких неожиданностей ждать не приходится, но при возникновении заминки процесс рискует, так сказать, сойти с рельс, и это может дать крайне нежелательные последствия.

Под этим последним мы разумеем, главным образом психологическую неподготовленность аудитории к такому именно, а не иному приговору, который выносится „судом“. Необходимо, чтобы весь ход процесса—свидетельские показания, врачебная экспертиза, речи прокурора и защитника—все это полностью подготовило в умах и сознании слушателей именно данный приговор, чтобы приговор этот встретил в зале всеобщее сочувствие, как мера, отвечающая социальной справедливости. С этой точки зрения мы считаем—вопреки распространенному мнению—вредным и неосторожным предоставлять самой аудитории вынесение приговора. Не говоря уже о том, что такой финал резко нарушает иллюзию подлинного судебного процесса, тогда как эту иллюзию важно именно сохранить

до конца—но при такой передаче функций суда самим слушателям никогда нет уверенности в том, какой приговор будет вынесен. В результате приговор со стороны случайного, ничем не сплоченного, аморфного собрания может получиться как раз противоположный тому, какого желали и к какому вели устроители суда.

Количество репетиций, как мы указали выше, не должно быть ниже двух, но иной раз может понадобиться и больше двух репетиций—в зависимости от состава участников. Скажем несколько слов о подборе участников.

Приходится при этом учитывать вопрос о расходах и потому, стараются обойтись, по возможности, своими средствами, используя труд санпросветработников, политрабработников и возможно меньше прибегая к сравнительно дорогому труду профессиональных актеров. Но совсем обойтись без профессионалов сцены нельзя, иначе техника инсценировки очень пострадает. Если уж не профессионалы, то, в крайнем случае, имеющие опыт „любители“ сцены должны быть приглашены на роли обвиняемых и главных свидетелей, тогда как роль прокурора, защитника, председателя, секретаря и обоих народных заседателей могут исполнять любые лица, подходящие к этому хотя бы и незнакомые с техникой сцены.

Народных заседателей публика сама выбирает из своей среды, причем желательно указать публике, в кратком вступительном слове председателя, что на одно из мест народных заседателей было бы полезно выбрать женщину.

Кстати по поводу упомянутого только что вступительного слова председателя. А. Эдельштейн без оговорок признает такое „слово“ целесообразным. Нам казалось бы, что там, где это возможно, лучше бы это разъяснение председателя давать не перед заседанием „суда“, а после него, для того, опять таки, чтобы не разрушать иллюзии зрителя с самого же на-

чала. Но, к сожалению, это в большинстве случаев недостижимо, ибо после приговора значительная часть публики тотчас расходится. Тогда вместо вступительного слова могут послужить несколько раз'яснительных строк на афише у входа в зал „суда“, для того чтобы ни у кого не было сомнений, что это именно инсценировка, а не—„настоящий“ суд. Недаром А. Эдейльштейн рассказывает следующий факт: в Москве сансуды ставятся с такой реальностью до последнего момента, так что на завтра после первого представления суда над проституткой, летом 1921 г., в московской „Правде“ появилась, в отделе судебной хроники, заметка об этом представлении как о реальном процессе, так что пришлось дать раз'яснения в газете.

Роль председателя несложна и ее может взять на себя каждый, кто обладает известным опытом в ведении собраний, известной находчивостью и тактом. Впрочем, иногда его роль не ограничивается регулированием прений: нередко сценарий „суда“ требует от него прямого участия в процессе: он задает свидетелям и обвиняемым вопросы, и не всегда только формального свойства—о возрасте, о судимости и пр.—но иногда и по существу обстоятельства дела. Поэтому выбор председателя должен делаться осторожно.

Напротив, роль секретаря вполне механическая и пассивная: это—нечто вроде судебного пристава. Эту роль свободно может исполнить делопроизводитель того учреждения или организации, которая ставит инсценировку. Роль врача эксперта должен исполнять, разумеется, врач, в крайнем случае хорошо подготовленный лекарский помощник. Надо иметь ввиду возможность в таких судах очень разнообразных вопросов по адресу эксперта, но он должен не быть застигнут врасплох ни на каком пункте, хотя бы и косвенно касающемся вопроса. На афише „суда“ фамилию врача-эксперта не следует ставить, во из-

бежание упрека в рекламировании этого последнего. Лучше всего отметить так: роль врача—эксперта исполнит врач, представитель Губздравотдела.

Громадное значение имеет выбор прокурора и защитника. Если на врача—эксперте держится вся научная, познавательная сторона „суда“, то в руках прокурора и защитника—вся эмоциональная, драматическая сторона процесса. Тот и другой участник процесса должны говорить не только ясно и отчетливо, но непременно с горячностью, с подъемом, с целой гаммой разнообразных чувств. Именно на них обоих лежит обязанность поддерживать напряженность интереса в зале, не давать угаснуть подъему слушателей. Очень важно поддерживать между представителями обвинения и защиты элемент борьбы и состязания, как это имеет место в настоящем процессе. Без резкостей и взаимных обличений в тексте—можно интонациями и жестом поддерживать эту атмосферу состязания и борьбы.

Наконец, те участники, которые обычно приглашаются из среды актеров.

Афиша с участием знаменитостей стоит так дорого, что входную плату приходится сильно повысить — и таким образом, сансуд обслуживает вовсе не ту аудиторию, не те массы трудящихся, которым он всего нужнее. Гораздо лучше составить скромную афишу и собрать меньше, но в то же время обеспечить себе небольшие средства для устройства „суда“ еще на какую-нибудь санитарную тему.

Большое значение имеет также продолжительность „заседания“. Многое зависит здесь, конечно, от уровня интеллигентности аудитории, но в среднем, три часа составляют максимум продолжительности такого суда, при котором внимание слушателей не падает, не выдыхается. Когда сценарий составлен, репетиция, проводимая с часами в руках, дает устроителям воз-

721

возможность выяснить, не слишком ли длинен текст и, если он нуждается в сокращениях, то за счет какой именно своей части.

Следует еще упомянуть об ответах на подаваемые обычно из зала записки с вопросами; вопросы эти бывают весьма разнообразны, иногда имеют даже довольно отдаленное касательство к рассматриваемому вопросу, но тем не менее, лишь в крайнем случае можно оставлять их без ответа. Надо ценить и подхватывать эти струйки любознательности, эти зачатки желания уяснить себе мир санитарных вопросов, умело и охотно данный ответ в свою очередь даст толчок к новым вопросам, укрепит спрашивающего в этом интересе.

В силу всех этих соображений отказаться отдачи ответов на суде нежелательно, но следует принять меры к тому, чтобы она не отражалась вредно на интересах самого процесса. Поэтому лучше всего, если врач-эксперт во время перерыва (перерыв в заседании непременно рекомендуется делать) объявит аудитории, что ответы на поданные записки будут даны им позднее, после вынесения приговора. В крайнем случае он может для этого использовать время перерыва, но никоим образом не отвлекать внимание зала во время самого процесса.

Скажем еще о выборе тем сансудов и о перспективах, ожидающих эту форму санпросветработы.

Далеко не каждое деяние, преступное с точки зрения санитарий и гигиены, годится как мотив для подобного примерного суда. Необходим резко выраженный конфликт страстей и закона, инстинкта и социальной справедливости, привычек и требований гигиены, вообще наличие резких контрастов, дающих основу драматизму и его эффектам. Так напр., непригодно для инсценировки „преступление“ юноши—допризывника, который пренебрегает своим физическим развитием и вырастает слабым, дряблым и пр. Мало подходит для

этой цели и преступление курения. Все что слишком обычно, чтобы казаться массе преступным, все, что страдает, так сказать, пресностью, мелкостью, общностью—лишено драматической насыщенности, будет иметь слабый успех и в виде инсценировки.

Напротив, основные контрасты социального строя, болезненно отражающиеся на санитарном его благополучии, вполне уместны для этой цели. Издательство „Октябрь“ приступая к выпуску целой серии текстов для „сансудов“, начинает на этот раз с „Суда над самогонщиком“: важность и современность подобной темы не требует, конечно, особых объяснений. Следующий, находящиеся ныне в печати выпуск этой серии (написанный теми же авторами, что и настоящий „Суд“), посвящен борьбе с абортom: это—„Суд над акушеркой Лопухиной, совершившей операцию аборта, следствием которой явилась смерть оперированной“.

Далее издательством заказываются инсценировки на след. тоже достаточно важные и острые по драматизму темы.

Суд над 16-летним убийцей—вопросы детской беспризорности и преступности.

Суд над красноармейцем, заразившим туберкулезом свою жену и ребенка.

Суд над крестьянкой, от небрежности которой сгорел ее годовалый ребенок. Последняя тема имеет ввиду вопросы охраны материнства и младенчества.

Имеют ли сансуды шансы на долгое существование или, как думают иные, они обречены на скорую смерть?

Мы думаем, что они вполне жизненны и им предстоит в будущем большое развитие. Даже больше: сансуды, на наш взгляд, имеют преимущества перед драматизацией санпросветительных тем в форме пьес („санпьесы“). Последние неизбежно тенденциозны, дидактичны и сухи—таковы, напр., все пьесы Брие и некоторые русские опыты в этом роде, сделанные

в самые последние годы. Поучительность пьесы редко ладит с художественной формой—получается нечто вроде арифметики Магницкого в стихах, или опытов в этом же роде екатеринбургского врача (кажется, Фрида)—на тему о вшах.

Между тем, сансуд не претендует на художественность. Это просто кусочек жизненной борьбы, которому придана процессуальная форма, в целях заострения лежащей в основе его неправомерности, нарушения закона. Если подходящих тем для сансудов и не так много, то поле для их применения—необозримое поле крестьянства, рабочих, вообще трудящихся—достаточно емко для использования значительного числа „судов“. К тому же и это в наши дни имеет перво-степенное значение—санитарные примерные суды требуют затраты сравнительно небольших средств: они очень эластичны, их легко приспособить к меняющимся потребностям момента, их нетрудно организовать даже в глухих углах. А санитарно-просветительный эффект, ими даваемый, достаточно прочен и глубок.

В настоящее время печатных судов существует у нас только два (не считая изданий „Октября“). Это изданные Наркомздравом, уже упомянутый выше, „Суд над Киселевым“ и „Суд над проституткой“. Текст первой написан д-ром Эдельштейном, второй д-ром Алтекманом. Особенный успех имеет вторая инсценировка, значительно более общая по теме: в одной Москве „Суд над проституткой“ прошел сотни раз. В Петрограде десятки раз прошли обе названные только что инсценировки, а также не вышедшие еще в печати „суды“ на сифилитиком, над пьяницей (над самогогонщиком), над матерью, не привившей своему ребенку дифтеритной сыворотки, результатом чего явилась смерть ребенка и др.

16 мая 1923 г.
Петроград.

Врачи Л. А. и Л. М. Василевские.

Суд над самогонщиками.

Дело Карлова Тихона и его жены Агафьи по обвинению их в изготовлении и тайной торговле самогонкой.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Председатель суда.

Два Народных Заседателя, из состава публики.

Секретарь.

Защитник.

Обвинитель.

Врач-эксперт.

Карлов, Тихон Петрович. 45 лет. Содержатель чайной „Веселый Уголок“. Из бывших официантов.

Карлова, Агафья Алексеевна, его жена, 38 лет. На вид гораздо старше своих лет. Из бывшей господской прислуги.

Петухова, Анна Львовна, вдова, 37 лет. Худая, измученная с вечным выражением тревоги на лице.

Петухов, Иван, ее сын, 16 лет. Печать кутежей, разврата, вообще порочности во всем облике.

Петухова, Вера, 12 лет, ее дочь. Слабоумная. Живет в Доме для умственно-отсталых детей.

Зубова, Ольга Ивановна, 24 лет. Воспитательница в Доме, где воспитывается Вера Петухова.

Смыга, Кузьма Кузьмич, 22 лет. Половой в чайной у Карпова. Разбитый, трусливый, внешне наглый.

Дмитриев, Павел, 16 лет, буфетный мальчик в чайной у Карпова.

Патанев, Илья Петрович, 35 лет, слепой на оба глаза. Жертва денатурата. С ним девочка-поводырь.

Гороблагодатский, 50 лет, бывший советский служащий. Из духовных. Вид помятый, сильно опустившийся, улыбка заискивающая.

Зал суда. В глубине большой стол и кресла для председателя и двух народных заседателей, справа столик секретаря. Ближе к зрителям слева стол защиты и скамья подсудимых позади, а справа стол обвинения. В глубине сцены, у стены, скамья для свидетелей и рядом стол для эксперта.

ЧАСТЬ I-ая.

ЯВЛЕНИЕ I-е.

Секретарь Сейчас будет слушаться дело Тихона Карпова и его жены Агафьи по обвинению в тайном производстве и торговле самогонкой. (*Подходит к боковой двери, приотворяет ее*). Суд идет, прошу встать. (*Все остаются*).

ЯВЛЕНИЕ II-е.

Входит: Председитель суда и два Народных Заседателя).

Председ. Именем РСФСР. Объявляю заседание суда открытым. Прошу сесть. (*Все садятся*). Слушается дело по обвинению содержателя чайной Карпова Тихона и его жены Агафьи в тайном производстве и торговле самогонкой. Предлагаю выбрать двух лиц из состава публики, для исполнения обязанностей народных заседателей. (*Происходят выборы. Избранные переходят к столу судей*). (*К Секретарю*). Свидетели, вызванные по делу, все явились?

Секретарь. Все, товарищ судья.

Председ. Попросите свидетелей к столу.

Секретарь (*зовет всех свидетелей из соседней комнаты*). Свидетели, подойдите к суду (*Свидетели подходят*).

Председ. Свидетели, помните, что на суде вы обязаны оказывать по чистой совести, не считаясь ни с родством, ни с дружбой. Даете ли в этом обещание?

Свидетели (вместе). Даем.

Председ. Подпишите обещание. (Все подписываются кроме Агафьи Карповой).

Карпова. И, батюшка, неграмотная.

Председ. Хорошо, суд освобождает вас от подписи. (К Секретарю) Уведите свидетелей в их комнату. Введите обвиняемых. (Секретарь исполняет это и указывает ошедшим обвиняемым их место).

Председ. Обстоятельства дела таковы (читает): 14 марта 1923 г. в Петроградскую губпрокуратуру поступило заявление от гр. Петуховой, Анны о том, что в чайной „Веселый Уголок“ за Московской заставой содержанием ее, Карповым Тихоном и его женой Агафьей производится тайное изготовление и торговля самогонкой. Жертвой этого притона тайного пьянства явился, среди других, ее покойный муж Антон Антонович Петухов, 44 лет. По ордеру прокуратуры в означенной чайной был произведен обыск, при котором на кухне милицией обнаружено два чайника с самогонкой, а в кладовой среди пустых боченков бидон, содержащий одно ведро самогонки. Кроме того, в нежилом надворном флигеле обнаружен оборудованный самогонный аппарат с следами недавнего производства и в теплом состоянии. На основании результатов обыска Карпов предается суду за выделку и торговлю самогонкой, а Карпова Агафья за соучастие в этом преступлении. (к Карпову). Обвиняемый, ваше имя и отчество?

Карпов. Тихон Петрович Карпов.

Председ. Сколько лет?

Карпов. 45 лет.

Председ. Где вы родились?

Карпов. В Шлиссельбургском уезде, в селе Вознесенском.

Председ. Чем занимаетесь?

Карпов. Содержу чайную „Веселый Уголок“ за Московской заставой.

Председ. Под судом и следствием были?

Карпов. Никак нет. Только что штрафы в админ. комиссии. А так я завсегда...

Председ. Признаете ли себя виновным в изготовлении и торговле самогонкой и другими спиртными напитками?

Карпов. Никак нет.

Председ. Садитесь. *(Карпов садится)*.

Обвинитель. Разрешите задать вопрос?

Председ. Спрашивайте.

Обвин. Подсудимый, чем вы у себя в чайной торгуете, кроме чая и закусок? Много ли на этом можно заработать?

Карпов. С хлеба на квас перебиваемся.

Обвин. А как попал бидон со спиртом в вашу кладовую?

Карпов. Да ведь, много [народу ходит, ваше благородие...

Председ. *(перебивает)*. Гр. Карпов, теперь „благородий“ нет!

Карпов. Виноват, ваше благородие.. виноват, гражданин начальник. Разный народ ходит. Разве за всеми углядишь?

Обвин. Так вы утверждаете, что бидон не ваш?

Карпов. Не мой, гражданин начальник!

Обвин. А какие у вас доходы? Много ли в месяц откладываете?

Карпов. Какие у нас излишки! Что есть, все налоги с'едают. Патент выбирай, за помещенке шкуру дерут, подоходный налог, отчисления разные, начеты. С нашего брата за все вдесятеро: за спекулянта считают. А какой же я, к примеру,

спекулянт или, там, буржуй? Такой же трудящийся элемент.

Обвин. А верно ли, что вы большие вклады в церковь делаете, на помин души вашего покойного сына?

Карпов. *(змуро)*. Так то дело другое.

Обвин. Откуда вы деньги берете на эти богатые приношения?

Карпов. На доброе дело бог дает.

Обвин. *(председателю)*. У меня больше вопросов нет.

Защитник. *(к председателю)*. Разрешите спросить?

Председ. Пожалуйста.

Защитник. Скажите, гр. Карпов, где вы учились?

Карпов. Какое наше учение! Еле-еле фамилию подписать можем, да на счетах щелкать. А баба моя, так и вовсе неграмотная.

Защитник. А как по вашему, опасно для здоровья самогонку пить?

Карпов. Да ведь, как кто пьет. Ежели с умом... Без ума, так и щи повредить могут.

Защитник. А вы на военной службе были?

Карпов. Так точно, был. Три года с половиной при царе верой и правдой служил.

Защитник. На фронте или в тылу?

Карпов. Близко фронта, в Варшаве. Я в денщиках был, а потом при клубе при офицерском.

Защитник. Больше я вопросов не имею.

Председатель. *(Карпову)* Садитесь. Карпова Агафья, подойдите к суду. *(Карпова подходит)*.

Председатель. *(к Карповой)* Ваше имя, отчество?

Карпова. Меня Агафьей звать, Карповой. А по отчеству Алексеевна.

Председатель. Лет вам сколько?

Карпова. Да почитай, всех сорок будет. Либо поменьше. Я, товарищ судья, неграмотная.

Председатель. Где родились?

Карпова. Да где родилась—в деревне.

Председатель. В какой губернии?

Карпова. В какой губернии? Да как сказать. Мы с им, Тихоном, из одного села. Земляки, значит.

Председатель. Чем занимаетесь?

Карпова. Какое наше занятие! По домашнему хозяйству.

Председатель. Под судом и следствием были?

Карпова. Чтой-ты, батюшка: под судом! Сроду того не было. Я и не знаю, какой такой суд бывает.

Председатель. Что вы можете сказать по этому делу?

Карпова. Почесть что ничего. Я все больше около кухни—пирожки жарю, да рыбу—либо за буфетом наблюдаю. Потому Павлуша, мальчик наш буфетный, разява. Ему бы только ворон считать, а до дела...

Председатель. Вы не должны говорить лишнего. Признаете ли вы себя виновной в том, в чем вас обвиняют? Варили вы самогонку? Торговали ею? Вообще помогали своему мужу в этом деле?

Карпова. *(Опасливо смотрит на мужа)* Кто-я? Невдомек мне, товарищ судья. Не грешна я, ни в чем не грешна.

Председатель. Садитесь. *(Карпова садится)*.

Председатель. Мы перейдем теперь к опросу свидетелей. Начнем с заявительницы прокурору, гр. Петуховой Анны, Секретарь, вызовите Петухову.

Секретарь. *(В сторону правой двери)* Свидетельница Петухова!

ЯВЛЕНИЕ III.

Те-же и Петухова Анна.

Председатель. Ваше имя, отчество и фамилия?
Сколько вам лет?

Петухова. Петухова, Анна Львовна. 36 лет.

Председатель. Где вы родились?

Петухова. И я, и муж мой покойный—оба на гор. Полтавы. С Украины.

Председатель. Чем вы занимаетесь?

Петухова. Пока муж жив был, жили ничего, не хуже людей. Я по дому, он на службе. А теперь все прахом пошло. Продаем последнее. Скоро по миру пойдем.

Председатель. (к Карпову, указывая на Петухову) Вы знаете эту женщину?

Карпов. (нехотя) Видал, будто. Когда муж ейный помер, плакала ова, приходила, руками перед самым носом махала, слова разные говорила.

Обвинитель. (к председателю). Разрешите задать вопрос?

Председатель. Спрашивайте.

Обвинитель. (к Карпову). Отчего же она именно к вам приходила плакать? Вы, значит, мужа ее покойнаго знали?

Карпов. (неохотно) Да как сказать. Приходил иной раз чайку попить. Как он в каперативе служит и склад ихний поблизости, так он, случилось, забежит.

Обвинитель. А откуда вам все эти подробности про него известны?

Карпов. Сам иной раз рассказывал, что и как.

Обвинитель. Значит, он у вас завсегдаем был? (Карпов молчит. К Карповой) А скажите, гр. Кар-

пова, Петухов покойный иногда у вас и в долг лил и ел? Верили вы ему?

Карпова (*простодушно*). Да отчего же хорошему человеку и не поверить? (*Карпов делает движение*). У Тихона моего сердце доброе—даром, что его „жилой“ ославили. Петухов, покойник, у него, бывало, из долгов не вылезит просто, истинный бог!

Обвинитель. (*К Карпову*) Вы подтверждаете показание вашей жены?

Карпов. Никак нет, товарищ начальник. Разве же мысленно бабу глупую слушать, ей верить? Она в делах ровно дитя малое. Точно, иной раз одолжение человеку сделаешь: для чего не сделать? И Петухову тоже, как всем.

Обвинитель. А скажите, Карпов, нашли у вас при обыске велосипед и серебряный портсигар закладные?

Карпов. Не закладные они вовсе, а подарок я получил. От их высокоблагородия, подполковника Блохина—я у них в денщиках был. Как они на войне равены были в ногу, так им лисапед ши к чему, вот мне и подарили, за службу. А портсигар я еще в 1919 годе у одного красноармейца выменял.

Обвинитель. (*К председателю*) Я больше вопросов не имею.

Председатель. (*К Петуховой*) Свидетельница Петухова, расскажите все, что вы знаете по этому делу.

Петухова. Все как есть, как на духу расскажу, товарищи судьи! Изныла душа моя, все раскрыть требует. Изверг он (*указывая на Карпова*), истинный бог, изверг! Все наше семейство по миру пустил. Да и нас одних разве? Всею округу как пиявка сосет! Был он, Антон мой покойный, кассиром в кооперативе „Самопомощь“ за Московской заставой—может изволите знать? Пить стал он,

действительно, давно, еще женихом когда был, а крепко пьет уже лет шесть, с тех пор как мы с Украины в Петроград переехали. Нет-нет и закрутит, так что с места прогонят, хоть и опытный, толковый работник. А семьянин какой! Бывало, что заработает, если только в кабаке не спустит—все до конеечки домой принесет! Детей жалел как, и бабушку хворую—при нас живет. Но я все думала—образумится: заперты, ведь, кабаки теперь разные. Так нет, стал все чаще в эти места попадать, где в чайниках всяким пойлом спиртным торгуют. Плачет, как в себя придет, а силы нету себя побороть. Пошла тут и самогонка, и ханжа, и денатурат, и лаки разные... Кряхтеть стал, болезни разные появились, память ослабела.

Председатель. Свидетельница, говорите покороче. Ближе к делу держитесь.

Петухова. Слушаю, товарищ судья—я покороче. Последнее время зачастил он в этот „Уголок“, близко от его склада кооперативного. Пропивать с себя стал, сначала вещи разные, а там раз и кольца наши подвенечные вот этому самому Карпову в пасть его жадную бросил. Вы не верьте, будто он меня мало знает: довольно я ему глаза намозолила! Сколько раз я за мужем своим несчастным туда приходила—последние гроши за него платила Карпову, долги за зелье проклятое!

Председатель. Еще раз, свидетельница, напоминаю вам: держитесь ближе к делу. Не говорите лишнего, вы всех нас задерживаете.

Петухова. Не буду, не буду, товарищ-судья! В конце февраля—точно числа не помню, память от горя отшибло—пошел Антон на склад, и у него с собой три миллиарда денег было. Как я просила его деньги в кассу сдать, с собой не носить—так нет, сделал по своему! Понятно, попал к этому

кровосийце. Пил-пил, только на завтра домой приходит. Как мел белый, губы трясутся. Деньги у него из кармана в заведении карповском вытащили! В ногах у Карпова и у его полового, Смыги, валялся,—не знают ли, кто взял,—а те заладили одно: „ты один в ответе. Мы не причем. Знать, мол, не знаем!“ Прямо волком воет! Ночью это, в квартире у нас все спят. Пропал я, говорит, теперь окончательно. В тюрьму меня возьмут, вы все по миру пойдете!

Чуть не сутки просидел в углу, ни пил, ни ел, ни с кем слова не молвил. А потом пошел и на Литейном—под трамвай бросился! Вытащили едва живого, а по дороге в больницу он умер, сердечный. Когда стали расследовать, так порешили, что несчастный случай вышел: нечаянно под вагон попал. Только я одна знаю, как оно на самом то деле было. А насчет денег пропавших, так никто моего Антошу вором не считал, а что он выпивает, так этого в кооперативе еще не заметили: он там недавно служит. Вот и порешили, что деньги у него из кармана вытащили по дороге в больницу. А я то знаю, истинную правду, кто погубил его. Вот он *(показывает на Карпова)* его спаивал, пойлом своим проклятым. Долгами своими всегда его опутывал, выхода не давал. Долго я, как муж умер, терпела, а потом невоготу стало, Пошла и заявила на него, изверга этого!

У меня ведь, на шее старая мать осталась, сын, да дочь. Дочка слабоумная, в детском доме живет, а сын хоть умом и здоров, да испорченный, и его тоже к пьянству тянет, такого молодого. С дурными женщинами, с хулиганами путается. А у меня силы никакой, кровь горлом идет. Пробовала я в прачки пойти—не могу. Вот я и пошла к товарищу прокурору. Мне моего Антоши не вернуть.

так пусть хоть друрых суд уберезет от несчастья. Суд, веь, теперь народный, справедливыи, за трудящихся заступается.

Обвинитель. (*К председателю*) Разрешите задать вопрос?

Председатель. Спрашивайте.

Обвинитель. (*К Петуховой*) Что же вы, свидетельница, полагаете, что Карпов причастен к краже этих денег? Или, может быть, полового Смыгу подозреваете?

Петухова. Не знаю. Все может быть. На таких людей я все поверю.

Обвинитель. (*К Карпову*). Не вспомните ли, подсудимый, сколько раз вы видели свидетельницу у себя в заведении?

Карпов. (*сумрачно*). Видать-видал, а сколько раз—не упомя. Нам это ни к чему.

Обвинитель. Я больше вопросов не имею.

Защитник. (*К председателю*). Разрешите задать вопрос?

Председатель. Пожалуйста.

Защитник. (*К Карпову*). Во время обыска сколько у вас оказалось наличных денег?

Карпов. Обыск делали вечером. За день набралось в кассе.

Защитник. Сколько?

Карпов. 350 рублей, да мелочь.

Защитник. А в квартире—ведь вы тут же при чайной и живете? нашли при этом деньги или большие ценности?

Карпов. (*испуганно*). Никак нет! Окромя лисапеда дареного, да портпапиросника серебряного, только и нашли, что икону окладную в серебре. Так веь, я по обету на богомолье ходил, там и купил. Тогда дешево было, во время войны, в Польше.

Обвинит. Что это за богомолье? Грехи замаливали?
 Карпов. (*Топчусь*). Да, грех был.. один.. Вина безвиная.

Защитник. (*К Карпову*). Это было, когда ваш сын сгорел в Варшаве?

Карпов. Так точно.

Защитник. (*К председателю*). Этого эпизода я коснусь позднее в своей речи, а сейчас больше вопросов не имею. Прошу только приобщить к делу вот этот № Варшавской газеты 1915 г. (*подносит к столу судей*) с заметкой о несчастном случае с сыном Карпова.

Председатель. (*Просматрив заметку*). Суд постановляет приобщить № газеты к делу и разрешает сторонам сослаться на этот документ.

Обвинитель (*к Карпову*). А через сколько времени после кражи был произведен у вас обыск?

Карпов. Примерно, через две или три недели.

Обвин. А, только через две-три недели! Я кончил.

Председ. Свидетельница Петухова! Больше ничего прибавить не имеете?

Петухова. Нет, не имею. Засудите его, товарищ судья, чтобы...

Пресед. Хорошо, это не ваше дело. Садитесь. Секретарь, введите свидетельницу Зубову с Петуховой Верой.

Секретарь (*зовет в дверь справа*) Зубова! Петухова Вера!

ЯВЛЕНИЕ IV-е.

* Входят Зубова и слабоумная девочка Петухова.

Председатель. Свидетельница Зубова! Ваше имя и отчество—Ольга Ивановна, 24-х лет? Вы служите воспитательницей в детском доме, где воспитывается дочь Петуховой?

Зубова. Да, я наблюдаю за этой девочкой, Верой Петуховой. Она очень отстала умственно—умом и развитием как семилетний ребенок, так вы вместо нее, меня, что надо, спросите. Вы у нее ничего не добьетесь. А мы привыкли и знаем каждого из наших детей.

Председ. Вы не врач? Нет? В таком случае объясните суду, какого мнения врач вашего учреждения о Вере Петуховой. Чему он приписывает ее слабоумие? Наследственное оно или приобретенное?

Зубова. Мы послали Верочку при ее поступлении в Институт дефективного ребенка, а обследовательницы несколько раз навещали тогда ее семью. И в Институте, и наш врач пришли к заключению, что слабоумие у нее наследственное, и причина этого—алкоголизм ее отца покойного. Мы Верочку едва азбуке научили и считать до десяти, да вышивать крестиком, а больше ничего ей втолковать не могут. Она часто плачет без причины или сидит целыми днями, ни с кем ни слова.

Председ. Я полагаю, что на этом мы допрос свидетельницы можем закончить, а самое девочку вовсе не станем опрашивать. Стороны не возражают?

Обвин. и Защитник. Ничего не имею против. Согласен.

Председ. (к *Зубовой*). Вы можете идти вместе с девочкой. Вы суду больше не понадобится. (*Зубова с Верой уходят*).

Председ. (к *Секретарю*). Тов. секретарь, вызовите свидетеля Петухова Ивана.

Секретарь (*в дверь справа*) Петухов Иван!

ЯВЛЕНИЕ V-е.

Входит Петухов Иван.

Председ. Свидетель, вы сын покойного Петухова Антоана—Иван?

Петухов (*небрежно*). Да, и что же из этого?

Председ. Отвечайте только на вопросы. Вам, свидетель, скоро 16 лет? Чем вы занимаетесь?

Петухов. Ничем я теперь не занимаюсь. Месту. В гимназии, в Полтаве три класса кончил. Потом бросил. Скука!

Председ. Служили вы гденибудь в последние годы?

Петухов. Нет, что же из-за пустяков свою молодость губить! Я что-нибудь стоящее подыскиваю. Тогда и матери помогать буду. Мне денег не жалко, когда есть.

Председ. Какого же вы места ищете?

Петухов. Мне в карточном клубе один человек обещал помощником счетчика. Ба-альшие деньги делать можно.

Председ. А вы самогонку пьете? Давно?

Петухов. Самогонку? В рот не беру! Стану я такую гадость! Да я лучше ничего не буду, только не самогонку. Я пиво пью, вино, если случится. Теперь свобода—пить можно, только пьяным не показывайся, да без патента не торгуй. А так—свобода! А нечего выпить—кокаину понюхаешь: еще лучше, чем пиво. Папаша покойник—он вкуса настоящего не имел, вот и случилось с ним такое.

Председ. А в Комиссии по делам о несовершеннолетних вы привлекались?

Петухов. Привлекался раз. Связку баранок с лотка взял. Голодный был. На поруки родителям отдали. Только всего и было.

Председ. Только и всего? (*к Секретарю*). Прочтите, тов. секретарь, справку из Подотдела правовой защиты при Губоно о свидетеле.

Секретарь (*читает*): „Петухов Иван. В 1919 г. в мае, в Петроградской комиссии разбиралось дело по обвинению его в спекуляции. Постановление—

сделать внушение. В 1920 г., в сентябре—дело по обвинению его в краже у родителей с'естного и дамской кофточки. Постановление Комиссии: отдать на поруки родителям. В сентябре 1922 г.—кража из запертой квартиры серебряных часов. Дело было передано нарсуду.

Приговор: условное присуждение к лишению свободы на три месяца, с отдачей родителям под ответственный надзор“.

Председатель. Вы, значит, Петухов, скрыли от суда свою судимость. Секретарь, прочтите акт медицинского обследования свидетеля.

Секретарь (читает:) „Марта 23 дня 1923 г. При исследовании Петухова Ивана, 17 лет, оказалось, что он страдает режким малокровием, неврастением, различными расстройствами пищеварения, плохим сном, легкой утомляемостью. По рассказам матери, он плохо владеет собой, неустойчив в работе и в нравственных правилах. Имеются явные признаки вырождения,—видимо, наследственного. Вся картина говорит вполне ясно о частом злоупотреблении алкоголем, а также наркотическими веществами, как кокаин и пр.“

Председ. Вы слышали, Петухов, что врачи находят? И причину всего этого понимаете? И то, что вам грозит, если будете и дальше так вести себя?

Петухов (наступившись). Слышу.

Председ. Полагаю, что свидетель суду больше не понадобится и его можно отпустить. Стороны не возражают?

Обвин. и защитник (вместе). Не возражаю.

Председ. Секретарь, уведите свидетеля и пригласите свидетеля Смыгу.

(Секретарь, уведя Петухова, кричит в дверь справа): Смыга, Кузьма!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Те-же и Смыга.

Председ. Вы Кузьма Кузьмич Смыга, 22-х лет? Служите половым в чайной у Карпова?

Смыга. Служим, точно так, помаленьку.

Председ. Что вы знаете по делу?

Смыга. Это насчет Петухова покойного? Все это, извините, мораль одна. Никаких денег петуховских ни Тихон Петрович, ни я, к примеру, в глаза не видали. Сказать все можно. А что в долг Тихон Петрович давал, так только тверезому. Ежели пьяный где напьется и к нему придет в долг просить— не даст, нипочем не даст. Потому на пьяного надежи мало, что вернет.

Председ. У вас в чайной самогонкой торговали? Подавали вы ее в чайниках?

Смыга. Не подавал. А только, может, гость свою выпивку принес и в чайник перелил, так за это я не в ответе. За всем не уследишь! Будь бы это в центре где-нибудь, где хорошая публика, интеллигенция, а то все народ, самый серый. Рабочие, да извоицики, да крестьяне приезжие... Необразованность...

Председ. А самогонный аппарат в кладовой при чайной, он как туда попал?

Смыга. А я же почем знаю? Я ведь, проходящий, при чайной не живу. Мое дело при столиках только.

Защитник (к председ.). Можно спросить? (Тот кивает). Сколько вы, свидетель, жалованья получали?

Смыга. Разно. Месяц на месяц не приходится. У нас без ряду. Хозяйское горячее, да полтора ста лимонов жалованья. Ну, и чаевые, известно.

Защитник. Сколько же вы, примерно, за март 1923 г. выработали?

Смыга. Не то 400, не то 500. Забыл уже.

Защитник. А из кого состоит ваша семья? Кто на вашем иждивении?

Смыга. Здесь, в городе, при мне сестра, вдова, с младенцем, только что родила, безработная. А домой, в деревню, в Псковскую губернию, еще посылать надо. Трудно-ой, как трудно жить, товарищ-защитник!

Защитник. Я больше вопросов не имею.

Председ. Свидетель, вы свободны, но можете быть, суду еще понадобятся. Поэтому не уходите пока. *(Тот садится)*. Секретарь, вызовите свидетеля Дмитриева, Павла.

(Секретарь кричит в дверь справа) Дмитриев Павел!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Те-же и Дмитриев Павел.

Председ. Вы Дмитриев Павел, 16 лет, мальчик при буфете в чайной у Карпова?

Дмитриев. Так точно.

Председ. Зачем вы по солдатски, по старому говорите „так точно“! Можно просто сказать „да“ или „нет“. Ваше отчество?

Дмитриев. У меня *(застенчиво)* нету отчества. Я... незаконнорожденный.

Председ. Стыдитесь, Дмитриев, говорить такие вещи! Это при царе были незаконно—и законнорожденные. А теперь все люди одинаковы. Каждое дитя—его мать родила и всякий ребенок имеет одинаковые права. Если ваша мать не состояла в браке, тут и для нее позора нет, а для вас и по-

давно. Гр. Дмитриев, расскажите по делу, что вы знаете. Какая ваша была обязанность в чайной?

Дмитриев. Целый день не присядешь. То столы убираешь, то посуду на кухне вымоешь, то после гостей пол подтереть надо, то во флигель беги.

Председ. А часто вас во флигель посылали? И что вы там делали?

Дмитриев. Да мне не говорили, что и как, а только иной раз хозяин пошлет—ну, через день примерно: то закрыть кран, то открыть. Говорили хозяева, что квас варят, на продажу, на сторону. А только мне странно было, что вот уж полтора месяца варят, а квасу не видать. И покупатели не ходят.

Обвин. Хорошо к вам, свидетел, относился Карпов? Много работать заставлял?

Дмитриев. Целый день как проклятый бегаешь, ноги подламываются. Ночью, и то выспаться не дадут.

Обвин. Что же вам мешало спать ночью?

Дмитриев. У меня койка на кухне, воле окна. Рядом комната, где свои гости, постоянные остаются. С улицы уже темно, заперто, а тут пьют, закусьвают. А хозяин либо с ними, тут же—и когда только он спит, понять не могу!—либо со Смыгой вместе во флигель уйдут, что-то делают.

Обвин. Ночью? При свете?

Дмитриев. Да, свет загородят, с улицы не видать, а мне видно. Тени какие-то ходят, ходят... Жутко мне, и долго заснуть не могу. Все думаю: дурное они там дело делают, ой дурное! Не сдобровать им, да и мне с ними. А сказать все как есть—боюсь. Думаю—его засудят ли, нет ли, а уж мне службы этой не видать. Хоть и тяжело, и страшно, а все-таки сыт, по крайности!

Защитник. Вы в союзе молодежи состоите? В профсоюзе числитесь?

Дмитриев. Нет, где мне! Некогда нос высунуть из чайной. Да и боюсь: хозяин узнает—мигом выгонит вон.

(Во время показания Дмитриева, Карпов и Смага несколько раз порываются что-то сказать, возразить, но председатель знаком их останавливает. Карпова то и дело с ужасом всплескивает руками и крестится).

Председ. Стороны какие-либо вопросов свидетелю не имеют? В таком случае, Дмитриев, вы свободны. Но не уходите пока из зала: вы можете нам еще понадобиться. *(Дмитриев садится на скамью для свидетелей и смотрит на обвиняемых с вызовом и ненавистью).*

Председ. Следующий свидетель—Гороблагодатский. Секретарь вызовите его. *(Секретарь кричит в дверь справа: Гороблагодатский!).*

ЯВЛЕНИЕ VIII-е.

Те-же и Гороблагодатский.

Председ. Свидетель, вы Гороблагодатский, 57 лет, бывший советский служащий? Ваше имя и отчество Илья Семенович? Под судом и следствием не были?

Горобл. В 1921 г., правду сказать, раз привлекался, но был оправдан. Я, знаете ли, из духовных и насчет изъятия ценностей недоразумение было. Но в контакте с ГПУ все вскоре было аннулировано, и я оставлен на свободе.

Председ. Что вы можете сказать по настоящему делу?

Гороблаг. А я, видите-ли, тоже один из постоянных клиентов этого почтенного негодянта, Тихона Карпова. Бывал раньше запросто принят, и обласкиваем, и напайваем вдрызг в его салоне, „Веселым Уголкем“ именуемом.

Председ. Вы, свидетель, говорите проще, так, чтобы вас все в зале понимали. Чем занимаетесь?

Гороблаг. Раньше я был немалым винтиком советского корабля: в финотделе служил, помощником бухгалтера. Но, по причине слабости моей к вину, был оттуда извергнут. А теперь ходатаем заделался. Прощения пишу, на почте адреса надысываю, благородным свидетелем у нотариуса выступаю. Много ли человеку нужно: напился вдрызг—и счастлив.

Председ. Свидетель, я вторично предупреждаю вас: говорите простым языком и без шуток—здесь для острот и шуток не место.

Гороблаг. Слушаю, товарищ судья. Это не я ломаюсь—вино во мне ломается. Насчет заведения Карпова могу на собственной, так сказать, шкуре, подтвердить, что самогонка—его специальность. Эти ночные, после закрытия лавки, кутежи—вам наверное про них Павлуша сейчас рассказывал—мне очень памяты. Сколькo я там песен похабных, да анекдотов должен был из мира духовного рассказать; чтоб мне даром стакан отравы поднесли! Я им анекдот про митрополита, а мне за это шкалик. Так и шло.

Председ. (к Карпову). Знаете ли вы этого человека? Правду он говорит?

Карпов. Врет, все врет, морда его дьяконская! Вы же видите, пьянчужка, голоштанник! Слову одному верить нельзя!

Председ. Подсудимый, не употребляйте бранных слов в зале суда. Делаю вам замечание. Показа-

ние Гороблагодатского вы, значит, отрицаете целиком!?

Карпов. Понятно, целиком, товарищ судья!

Председ. Садитесь. Свои объяснения вы дадите после. Тов. секретарь, список свидетелей исчерпан? Больше никого нет? В таком случае мы перейдем к экспертизе.

Голос слепого Патакеева. *(Из залы, с мест для публики)*. Товарищ-судья! Позвольте и мне свидетелем выступить!

Председ. Кто вы такой?

Патакеев. Я—несчастный слепец, тоже жертва этого кровопийцы. Он и мне всю жизнь сгубил. Позвольте же и мне два слова!

Председ. Хорошо, идите сюда.

(Патакеев, сопровождаемый девочкой—поводырем, подходит к столу суда).

Председ. Ваше имя, отчество, фамилия? Сколько вам лет? Чем занимаетесь? Что можете сказать по этому делу?

Патакеев. Я инвалид, Илья Петрович Патакеев, 35 лет. Слеп на оба глаза. Заниматься теперь ничем не могу, а был хороший шоффер, работающий и опытный. А теперь вот без этой девочки, племянницы моей, передвигаться не могу. А все от него, изверга, пошло: денатуратом меня Карпов стал спаивать. Я не говорю: я и сам виноват, не маленький. Но без него и таких, как он, соблазна бы не было, и мы, слабые духом люди, честными людьми оставались бы. Я в первый раз, к нему в заведение силком попал—приятели завела. Перемигнулись вот с этим молодцом, со Смыгой—и подали нам в чашках глиняных, вроде чая. С тех пор и пошло. Эх, если-б я знал, что от этого и впрямь ослепнуть можно! Читал я про это бро-

шюру, и на лекции раз говорили, но, правду сказать, не поверил я: сколько, думаю, народу пьет, не слепнут же. Так отчего же это как раз со мной случится? Ну и пил, и пил горькую, все заработки пропивал.

Потом, месяца через три—это уж когда я без пьянства дня прожить не мог—с утра, как встал, чувствую—пелена перед глазами, мутво все. А к полудню темная ночь для меня пришла, ночь навеки! *(рыдает)*. Я туда—сюда, в глазную лечебницу, а там сразу спрашивают: денатурат пьете? Прощае ваше дело! Калеккой навеки останетесь! Сами виноваты. Рвался я тогда прямо из лечебницы в прорубь, просил девочку эту, вот, чтоб меня к реке повела, где прорубь показала—не захотела. У вас, говорит, дядя, жена есть и ребенок маленький, они по вас плакать стали бы. Так я и живу с той поры, небо копчу, каждый день свой проклинаю. Засадите вы его, товарищ судья—Христом-богом молю! Он, Карпов этот, для меня хуже убийцы стал: убийца бы один раз убил и конец, а он каждый день, что я ослеп, меня сто раз убивает! *(падает на колени и рыдает громко)*.

Председ. *(видя волнение в зале и тоже взволнованный)*. Нехорошо, товарищ, встаньте с колен. Суд сочувствует вашему горю, но помочь вам ничем не может. А виновный свое наказание понесет. *(Патакеев с помощью девочки поднимается с колен и возвращается в публику)*.

Председ. Теперь список свидетелей исчерпан. Секретарь, пригласите врача-эксперта. *(Секретарь уходит и возвращается с экспертом)*.

Председ. Товарищ-эксперт, суд ждет от вас освещения дела с точки зрения медицинской науки. Я полагаю, что обстоятельства дела вам известны, и прошу изложить ваше мнение о

прошедших перед нами жертвах алкоголизма. В какой мере все они являются действительно такими жертвами и каково влияние пьянства на организм?

Эксперт. Кто именно является виновником свирепости свидетелей, которые являются в этом деле потерпевшими, я, конечно, судить не могу, но что налицо влияние именно алкогольной отравы, это несомненно. И даже не просто алкоголя и алкогольных напитков, но именно суррогатов таких напитков, дурных и ядовитых замен, которые употребляются вместо водок, пива и вина и изготавливаются и продаются тайком, как настоящие яды. Я интересовался семьей Петуховых, которые живут в моем районе—я коммунальный врач—и могу удостоверить, что вся эта семья пала жертвой именно пьянства ее главы, покойного Петухова.

Месяца за два до его смерти, я был приглашен к ним на дом по случаю сильного сердечного припадка у Петухова. Я застал его с сильным припадком удушья, синим кончиком носа, синими ногтями, с частым и слабым пульсом. Перед этим он, по словам жены, много пил денатурата и самогонки и семья пережила приступ его бешенства и бреда. Мне пришлось тогда осмотреть и выслушать Петухова, и я убедился, что весь его организм в корне подорван привычным хроническим пьянством. Несмотря на свои 47 лет, он выглядел почти стариком. Его руки дрожали, взгляд был мутный и блуждающий. Печень была увеличенная и болезненная при ощупывании, язык деревянистый, лицо одутловатое. Вообще пьянство никогда не проходит даром.

Нас здесь интересует не острое отравление алкоголем, а хроническое, привычное пьянство. Хотя и острое опьянение дает иногда смерть от

„опоя“ и из каждой сотни скорострительно умерших в наших городах—более одной трети умирает в нетрезвом состоянии, но последствия привычного, хронического пьянства неизмеримо тяжелее и серьезнее. Можно быть алкоголиком и не напиваясь „через меру“, как у нас обычно говорят, не будучи пьяницей в обычном смысле этого слова. С точки зрения науки, пьяницей является всякий, кто имеет несчастную привычку пить, кто внушил себе потребность постоянно или часто выпивать перед обедом „для аппетита“ несколько рюмок, пить бутылками пиво и пр. Постепенно, незаметно подкрадывается к нему враг и подтачивает все его органы.

Если спиртные напитки в холод дают приятную теплоту, то позднее кожа алкоголика становится, наоборот, бледной и холодной, а температура его тела понижается. Работа после некоторого приема алкоголя кажется более легкой, но в действительности работоспособность, а тем более точность в труде под действием алкоголя резко падает.

Ближе всего алкоголь влияет разрушительным образом на желудок, далее на печень и почки. В желудке он вызывает прилив крови и застой ее; получаются постоянные раздражения и воспаления, начинаются болезненные ощущения—тяжесть под ложечкой, тошнота и пр. и наконец, образуется катарр желудка. У пьяницы падает вес тела, он плохо спит, страдает головными болями и пр.

Всосанный из желудка и кишек, алкоголь собирается в печени, раздражает ее и вызывает застой крови и воспаление ее ткани. Печень резко перерождается у пьяницы: в ней богато разрастается недейственная, бесполезная для организма

жировая ткань, а нужные, полезные клетки, те, которые вырабатывают необходимую для пищеварения желчь, разрушаются и гибнут. Печень разбухает и увеличивается, а пользы от нее очень мало. Иногда печень, наоборот, сморщивается, становится плотной наощупь,—зернистой и тоже бездейственной. Часто случается и так, что печень сначала увеличивается, а потом сморщивается. Так или иначе, но расстраивается кровообращение, наступает желтуха, водянка брюшной полости, живот становится вздутым и напряженным. И правильно говорит поговорка, что „кто упивается вином, умирает от воды“.

Разрушаются и почки, подвергаясь жировому перерождению. Не лучше обстоят и с сердцем пьяницы: сердце становится жирным, расширяется и слабеет, появляется одышка, сердцебиение и отеки. Кровеносные сосуды (жилы) преждевременно стареют, теряют упругость; иногда происходит их разрыв и кровоизлияния. Если разрыв происходит в мозговых жилах, то наступает удар, иногда с параличом, и человек становится калеккой, или даже с внезапной смертью от кровоизлияний. Портятся и нервы; ноги и особенно руки начинают дрожать, походка пьяницы становится неустойчивой, силы падают.

Словом, нет ни одного уголка в теле, куда бы не проникал яд алкоголя, где он не оставлял бы следов разрушения и упадка.

Председ. До сих пор, товарищ-эксперт, вы говорили только о влиянии пьянства на телесное здоровье. Суд интересуется также вопросом о влиянии пьянства на умственные способности человека, на его характер и на душу. Так, напр., каково ваше мнение о причинах самоубийства Петухова?

Эксперт. Я сейчас перейду к этому, но сейчас прошу разрешения отметить еще одно тяжкое последствие пьянства для телесного здоровья.

Дело в том, что привычное пьянство вообще сильно ослабляет организм в его борьбе с различными опасностями: пьяница легче заболевает заразными болезнями, в том числе венерическими, и сифилис очень часто обязан своим появлением опьянению. Организм пьяницы легче поддается также заразе туберкулеза и легче гибнет от него, труднее справляется со всякой болезнью, раной и пр.

Что же касается влияния на характер и привычки, то тут наблюдается, прежде всего, ослабление памяти и внимания; человек начинает плохо владеть собой, теряет чувство меры, стыда, приличия и достоинства. Пьяница всегда слабохарактерен, не может думать ни о чем кроме себя и своих пьяных желаний, становится распушенным, развратным и равнодушным к окружающему. На этой почве происходит множество несчастий в семье: пьяница—муж перестает заботиться о семье, становится груб и жесток, или придирчив и нелепо ревнив к жене, бессердечен к детям, которых он бьет и мучает.

Вся жизнь семьи, не только материальная, но и духовная, приходит в полный упадок, и здесь—начало несчастий в виде самоубийств, облития лица серной кислотой, взаимных попреков, мучительства и истязаний. А что из кабака прямая дорога в суд и тюрьму—это известно каждому из повседневного опыта.

Связь пьянства с душевными болезнями тоже общеизвестна. Сюда относятся, кроме так называемой „белой горячки“, т. е. острого алкогольного бреда, когда пьянице чудятся разные мелкие животные, змеи, черти („до чортиков допился,—

говорят в народе), также душевные болезни хронические, то-есть длительные. Вообще среди причин душевных болезней алкоголю принадлежит первое место: до 40% призреваемых душевнобольных заболели вследствие злоупотребления спиртными напитками. В среде душевнобольных, не попавших в больницу, число пивших еще больше и доходит до 65%. Из нервных болезней пьянство часто приводит к падучей („эпилепсия“), которая развивается у алкоголиков уже через 2—3 года пьянства. Среди пьяных число эпилептиков в сорок раз больше, чем среди населения вообще.

Обвин. Вы объяснили суду, товарищ-эксперт, разрушительное влияние пьянства на самого пьющего. Но в данном процессе имеются не только пьющие, каковы покойный Петухов, или Гороблагодатский, или Патакеев. но и двое детей Петухова, из них одна, слабоумная Вера, а другой распущенный, склонный к преступлениям и иногда тоже пьющий Иван. Не раз'ясните ли вы суду, как пьянство влияет на потомство алкоголика?

Эксперт. Самое роковое последствие пьянства заключается именно в его влиянии на потомство. Пьющие имеют больше детей, чем непьющие, но дети рождаются у них слабыми и не жизнеспособными. В семьях пьяниц число мертворождений почти в два раза больше, чем в семьях трезвых. Гораздо больше также выкидышей и преждевременных родов. В общем на Западе 42% потомства пьяниц гибнет на первом году жизни—на треть больше, чем среди остального населения. В России же эти цифры еще печальнее.

У родителей—пьяниц гораздо чаще рождаются слабоумные дети (идиоты, юродивые) и падучие дети, чем у трезвых родителей. Так, один французский врач насчитал в 163 известных ему семьях,

где либо отец, либо мать, либо оба родителя или, 244. детей-эпилептиков! Из каждой сотни идиотов и слабоумных—какова, напр., Вера Петухова—которые призреваются на народный счет, от 60 до 70 происходят от родителей—алкоголиков. Из детей родителей—алкоголиков телесно и душевно здоровых бывает от 10—15%, не больше. Остальные несут на себе уже при рождении печать упадка, ущерба, недостаточности.

Часто это припимает характер настоящего вырождения, как, напр., в данном случае. В одной семье из 5 детей пьяницы было 2 здоровых, а остальные трое, пьяницы, умерли от паралича сердца. У детей этих 5 членов семьи, в следующем поколении, было 3 проститутки, 1 бездельник, 4 пьяниц, 3 рано умерших и только 5 здоровых. По мнению многих ученых, это вырождение с каждым поколением все возрастает, семья и род идут к полному вымиранию. Из форм этого вырождения чаще всего наблюдается, в смысле телесного вырождения, склонность к туберкулезу и эпилепсии (падучей болезни), в смысле душевном—склонность к пьянству, преступлению и слабоумию.

Вот напр., Петухов Иван, который здесь прошел перед судом. Он явно несет на себе проклятие пьянства, которому предавался его покойный отец. Вы слышали акт его медицинского обследования. Налицо все отмеченные выше наследственные влияния алкоголизма. У него имеются также припадки падучей, но о них он, из чувства ложного стыда, избегает говорить. Мало того: он уже теперь сильно пристрастился к пьянству, а также к нюханью кокаина, что очень часто идет рука об руку с пьянством.

Если алкоголь наносит тяжкий вред окрепшему организму взрослого, то на детский организм, до

наступления зрелости, он действует, понятно, вдвойне губительно.

Один из народных заседателей. Товарищ-председатель, можно задать вопрос?

Председ. Пожалуйста, спрашивайте.

Народный заседатель. Вот товарищ-эксперт все говорил про алкоголь и про спиртные напитки. У нас, ведь, тут дело идет о самогонке и денатурате, так нам бы про них желательнее было подробнее выслушать. А товарищ-врач об этом только мимоходом упомянул.

Эксперт. Совершенно верно, я сейчас как раз собирался перейти к напиткам этого рода. Суррогаты, то-есть замены спиртных напитков, заключают в себе, помимо чистого, так наз. „этилового“ спирта, еще примеси разного рода низших спиртов, которые действуют еще ужаснее. К числу суррогатов относятся: самогонка, денатурат, ханжа, кумышка, политура, лак и пр. Свидетель Патакеев, несчастный слепец, погубил свое зрение денатуратом, который, как и большинство названных выше суррогатов, заключает в себе примесь так наз. древесного спирта („метиловый алкоголь“); он поражает, помимо других органов, еще и зрение. Слепота, и притом безнадежная, неизлечимая—прямое последствие употребления древесного спирта.

В частности, денатурат, лак и политура настолько ядовиты, что, напр., лечивший т. Ленина, хорошо известный в России проф. Ферстер наблюдал случаи, когда рабочие—столяры слепли, дыша только парами лака, настоенного на древесном спирте. Описаны случаи, когда люди слепли только оттого, что натирали себе голову одеколоном, приготовленным на древесном спирту.

Американский исследователь Вуд приходит к заключению, что из 10 человек, пьющих денатурат,

4 умирают (двое предварительно ослепши), из 6 оставшихся в живых—двое тоже слепнут. Иногда после внезапной слепоты зрение постепенно восстанавливается, но затем медленно угасает уже навсегда.

Наконец, что касается самогонки, которая нас больше всего интересует в этом процессе, то она также в высшей степени ядовита, благодаря содержащейся в ней особо вредного „амилового“ алкоголя.

И хотя ст. 140 Уг. Кодекса предусматривает лишь выделку самогонки для сбыта, но с точки зрения науки нельзя различать, гнал ли человек самогонку для себя, или для других. Самогонка—яд, вроде мышьяка или стрихнина, и кто изготовляет его, действует одинаково—во вред людям, делает ли он этот яд для себя или для других.

Председ. Товарищ-эксперт дал суду всестороннее и полное представление об алкоголизме вообще и о преступности спаввания самогонкой, с точки зрения здоровья отдельного человека, семьи и всего общества в целом. Не имеют ли стороны еще каких либо дополнительных вопросов к эксперту? Если нет, суд освободит его.

Защитник. Разрешите мне, товарищ председатель, еще один, последний вопрос. Я хотел бы знать, насколько распространено в России то преступление, в котором обвиняются мои подзащитные? Является ли оно сейчас редким исключением на фоне общей трезвости, или, напротив, фактом повседневным, широко разлитым и обыденным?

Эксперт. По этому вопросу я коснусь сначала общей распространенности пьянства.

Принято думать, что Россия—самая пьяная страна в мире, но это не совсем верно: наибольшее потребление спиртных напитков (не суррогатов!) на душу населения—во Франции, где оно

доходит до 21,6 литра в год, тогда как в России на душу населения приходится только 3,4 литра, т. е. в 6 раз меньше. В отношении душевого потребления алкоголя Россия стоит на восьмом месте среди стран Европы и Америки.

Тем не менее, в России пьянство особенно сильно бросается в глаза. Это потому, что в странах Запада население пьет регулярно, два—три раза в день, но сравнительно умеренные количества разведенных напитков—виноградного вина, пива и пр., у нас же народ пьет не регулярно, сравнительно редко, но крепкие напитки и помногу зараз, то-есть до полного опьянения. Поэтому, между прочим, в России так велика смертность от „опоя“, так много самоубийств на почве пьянства, вроде несчастия с Петуховым. Из спирта, потреблявшегося до войны в России в течение одного года, можно было бы образовать речку шириной и глубиной в 1 аршин и длиной в 300 верст. За один только 1913 г. выпито было в России спиртных напитков свыше чем на миллиард довоенных рублей—больше 105 миллионов ведер спирта.

Я не буду утомлять вас новыми цифрами—скажу только, что отрезвление народа, провозглашенное в начале европейской войны, только отчасти улучшило положение, в годы же революции страна сначала зажила действительно чистой и здоровой жизнью трезвости, но уж в 1918 г. язва тайного винокурения и корчемства начинает возрождаться.

Точных данных о распространенности этих бедствий в наши дни не имеется, но косвенно мы можем судить о громадном, исключительно опасном распространении самогонки. Уже в 1918 г. на нее было преступно-расточительным образом истрачено свыше 30.000 пуд. хлеба, и это в дни, когда рабочее население Петрограда и Москвы сидело на

восьмушке хлеба в день. Сейчас тратят хлеба на самогонку много мил. пуд. каждый год. Мутный поток отравляющего напитка чем дальше, тем все более ширится, мы видим это по все возрастающему числу обнаруживаемых в городах и в провинции самогоночных аппаратов и целых заводов. У нас Петрограде уже давно и энергично ведется борьба с этими отравителями народного здоровья, и хроника газет говорит о ежедневном улове все новых и новых мест тайного изготовления и продажи самогонки.

Председ. Суд удовлетворен разъяснениями товарища-эксперта и благодарит его за обстоятельность указаний. Вы свободны. Раньше, чем суд перейдет к прениям сторон; объявляю перерыв на десять минут. *(Встает, вслед за ним встают остальные судьи и вообще участники процесса).*

Занавес.

ЧАСТЬ II-ая.

ЯВЛЕНИЕ I-е.

Те-же лица. 10 минут спустя.

Председ. Объявляю заседание суда возобновленным. Слово предоставляется представителю государственного обвинения.

Карлова. Дозвольте мне, батюшка, слово глупое молвить.

Председ. Что вы хотите заявить суду, гражданка обвиняемая? Слово вам и вашему мужу, как обвиняемым, будет предоставлено после речей обвинителя и защитника.

Карлова. Явите божескую милость, дозвольте сейчас! Я недолго... *(Голос ее дрожит сдержанными рыданиями).* Заставьте век бога молить! Я не за себя прошу буду—мне что: хоть под расстрел,

и то ладно! А душу Тихона моего я спасти желаю. Дозвольте, товарищ судья, вам бог зато добро делает. *(В зале смех).*

Председ. *(строго).* Прошу публику не смеяться! Здесь не театр. Предоставляю слово Карповой, во внимание к ее простоте и несознательности.

Карпова. *(бросается в ноги председателю).* Прости ты его, Тихона моего! По серости он! Будь бы мы умнее, знала бы я, вот как нам, сейчас господин доктор—тьфу, товарищ-доктор все объяснил, что к чему, так разве же я бы стала самогонку эту проклятую варить?

Председ. Так вы, значит, признаете вапшего мужа виновным в том преступлении, в котором он обвиняется?

Карпова. Варили, батюшка, ее, проклятую, истинный бог, варили! Что уж тут скрывать да отпираться, коли все наружу вышло! Лучше уж прямо признаться, камень с совести снять. Авось, Тихона моего не расстреляете! А под замком посидит, так богу как след помолится, грехи свои тяжкие замолит. *(Карпов во время речи жены все прерывается что-то сказать).*

Председ. Что, обвиняемый, вы тоже хотите подобное заявление сделать? Признать свою вину желаете?

Карпов. Да нет... я... Дозвольте мне..

Председ. Если другое что, так после скажете. Садитесь. Слово предоставляется государственному обвинителю.

Обвин. Задача обвинителя в данном процессе, в сущности, очень проста. Основным вопросом, подлежащим моему решению, является вопрос о виновности четы Карповых и двух человек, их служащих. Хотя на скамье подсудимых сегодня сидят только Карпов, как главный обвиняемый, и его жена, как пособница, но в течении процесса вы-

яснилась сильная прикосновенность полового Смыги и буфетного мальчика Дмитриева к тому же соучастию. Итак, начнем с степени виновности Карпова, главного вдохновителя всего дела и вообще центра всего судебного заседания.

Его полная и абсолютная виновность в изготовлении и систематической торговле самогонкой не подлежит сомнению. Его попытки удовлетворительно объяснить наличие в его заведении чайников с самогонкой, а в его кладовой бидона с тем же ядом, вызваны жалкой трусостью, страхом последствий и никого ни в чем убедить не могут. Он, вопреки всякой очевидности отрицает все и вся, как упрямый, хотя и неловкий, лгуни и преступник. Даже искренний, взволновавший всех, порыв его жены, которая по собственному почину прорвала сеть лжи и отрицания, затейливо подстроенной Карповым, его не поколебала. Он продолжает стоять на своем: я не я и лошадь не моя!

Но если факты с чайниками и бидоном еще можно было бы с грехом пополам рассматривать как доказательство только торговли самогонкой, то наличие настоящего самогонного завода в нежилом надворном флигеле его дома устанавливает факт изготовления им собственной самогонки. Лгать тонко Карпов не умеет: этого искусства „культура“ лакейства и кутящей офицерщины, в болото которой он окунулся в последние годы, ему не дала, этому его не научила.

Достаточно посмотреть на эту галерею людей со дна, постоянных клиентов карповского заведения, чтобы все стало ясно. Вот пьяненький, осененный „благодатью“ духовного лица, Гороблагодатский, вот несчастный слепец Патакеев,—не говоря уже о тени замученного в этом заведении Петухова и об еще во чреве матери изуродован-

ных алкогольной наследственностью детях Петухова.

Конечно, Патакеевы в скромное трудовое чайное заведение не ходят: их насквозь проспиртованный организм презрительно отвергает трудовой, скромный, честный чай.

Карьера Карпова, как и все в этом процессе, очень характерна. Если он был на военной службе, то не как жертва лишений и ран, а как оборотистый делец, как угодливый и лишенный малейшего человеческого достоинства деньщик. Когда другие проливали кровь и кормили вшей за так наз. отечество,—он, избрав благую часть, чистил „господам офицерам“ сапоги и бегал для них за пивом.

Потом карьера еще более заманчивая: буфетчиком при клубе господ офицеров. Они похабничали, ругали его последними словами, а он подобострастно узмылялся и лизал поднятую на него руку, ради „чаевых“... Здесь он обжился, расцвел, накопил всякими правдами и неправдами много денег и выписал к себе семью—сам уже не справлялся с служением „родине“ за прилавком офицерского притона.

Жена его, Агафья Карпова—совсем серый, недалекий человек. Она искренно верит, что муж—глава и властелин, а ее священный долг—подчиняться ему и благоговеть. Единственное было светлое, человеческое пятно в этом жалком сколачивании чаевых—это сын, тихий, любознательный мальчик. Его насильно оторвали от школы на родине и отвезли в Варшаву, в конуру за буфетной стойкой клуба. Мальчика тоже заставили что-то такое делать для стяжания—и жертвой, чистой и скорбной жертвой богу золота, он погиб, сгорев в этом притоне..

У нас нет основания заподозрить злую волю отца в этом несчастии с мальчиком, но оно характерно для гнилой карьеры этого человека, который превыше всего на свете поставил жадное накопление денег. Все равно каких, все равно откуда: ведь деньги, как известно, „не пахнут“...

Кончилась война. Кто—как, а наш герой на войне только выгадал: собрал много добра и своевременно его припрятал в нужном месте. Шли годы: революции, миры свергались и создавались вновь, а он, Карпов, точно в вате пролежал все эти годы: ел и пил как всегда, деньги сумел сберечь каким то таинственным образом. НЭП он понял очень просто: валяй по старому, стриги слабых и бедных, применяйся к обстоятельствам, Карпов—типичный обломок старого мира. И его паломничество пешком, „ко святым местам“, и его тяжелый серебряный оклад с родовыми иконами, и его завсегдаятай из духовных—все это старый быт, вчерашний день, царская Россия.

Если-бы он открыл свой притон в шикарном помещении с зеркальными окнами где нибудь в центре, среди богатых кварталов, мы бы не возражали, или возражали бы очень мягко. Пусть разоряет героев минуты, разжиревших нэпманов—туда им и дорога! Но он поселился в самом центре рабочего района, он распустил свою паутину среди наших братьев по духу, он соблазняет еще не окрепших и не одолевших в себе мешанства рабочих, строителей нового мира—и этого преступления мы ему простить не можем, не смеем.

Переходим к остальным участникам процесса.

Этот юркий, пронырливый половой Смыга—типичный подручный у людей такого сорта как Карпов. Он верой и правдой служил ему там шмыгая

между столиками, верой и правдой он отстаивает хозяйские интересы и здесь, перед лицом суда. Вместе с своим хозяином он упорно отрицает обвинение в выделке и продаже самогонки: если и пили гости, так, может, приносили свое—делает он предположение. Их с Карповым чорт, как говорится, одной веревочкой связал.

Смыга поддерживает Карпова, прежде всего, конечно, потому, что свою судьбу он связал с карповской: засудят хозяина—он место потеряет. Опасно идти на суде против хозяина: когда на волю выйдет, ему, Смыге, выгодную службу в чайной карповской уже не видать. Но дело не только в этом: Смыга и внутренне близок к Карпову, у них одна общая психология. И идеал Смыги—конечно, открыть в свое время, когда разживется, такое же чайное заведение с торговлей тем же ядом. На этом заседании Смыга присутствует не как обвиняемый, а как свидетель, вызванный защитой. Но все, что мы слышали здесь на суде, заставляет меня признать, что он не только свидетель: он—нужный винт в самогонной деятельности его хозяина, а тем более в деле сбыта.

Половой Смыга—из тех, кто презирает свой класс, кто пресмыкается перед деньгами, из тех, кто выволакивает на улицу выпотрошенного и опьяневшего посетителя, ведет таинственные переговоры с агентами милиции, ведет, как помощник своего владыки, всю сложную и хлопотную возню содержания пьяного притона. И он, этот Смыга, заслуживает, по моему глубокому убеждению, чести пересесть со скамьи свидетелей вот сюда, на почетную скамью подсудимых (*показывает*)—рядом с своим властелином и вдохновителем Карповым—честь, которой обычно Карпового, наверное, не достаивал!

Что до несчастной жены нашего героя, Карповой Агафьи, то фактическое ее участие в преступлении не подлежит, конечно, спору; она в сущности, и сама не отрицает его, а своим признанием правды относительно своего мужа уничтожила последние колебания насчет Карпова, если только эти колебания у когонибудь еще были. Ее роль была всегда, конечно, пассивной, как пассивна вся она, но она с наивной, нерассуждающей простотой помещивала ложкой в том вареве ведьм, в том котле отравы, какой был у них спрятан в нежилом флигеле. Она действовала конечно, бессознательно, но ведь, бессознательно действовала и та богобоязненная старуха, которая благочестиво подкладывала дрова на костер, где инквизиция сжигала благородного протестанта Яна Гусса.

Она, эта темная и покорная исполнительница, не ведала что творила, но творила она злое, вредное, преступное дело. И если на голову Карпова суд опустит меч возмездия со всей силой и беспощадностью, ему свойственной, то к его безропотной, вдобавок раскаявшейся жене, он отнесется с великодушной снисходительностью, смягчив кару.

О виновности последнего члена того „коллектива“, какой обитал под крышей „Уголка“, Дмитриева Павла, говорить много не приходится. Фактически он, несомненно, тоже участвовал в гнусном промысле своих хозяев, тоже был маленьким винтиком в этом «производстве». Но у Советского народного суда не подымется рука на подростка, попавшего в тиски беспризорности, нужды и беспомощности. Вырвать его из грязных лап самогонщиков, дать ему книгу в руки, поставить у станка или трактора—вот что стоит здесь на очереди.

Подростка Дмитриева голод, гнет, зависимость давили с самого детства, и гнусности Карпова он

поддерживал только в состоянии необходимой обороны—обороны от голода и бездомности. Во всяком случае, по Советским законам, не здесь судили бы этого подростка, а в Комиссии о несовершеннолетних, так как ему только 16 лет, и лишь оттуда, из Комиссии, его могли бы направить в общий суд.

Мы перебрали всех участников процесса, но прежде чем кончить наш разбор, необходимо коснуться еще одного отдельного эпизода, который остался невыясненным: его, точно воду пруда, тиной затянула целена смерти. Я говорю об эпизоде с Петуховым, его самоубийстве и, главное, исчезновении у него крупной суммы денег. Что именно Карпов, а не кто иной, является моральным виновником этого самоубийства, не подлежит спору. Не Карпов первый научил его пить—алкоголиком Петухов был издавна—но ближайшим источником отравления Петухова была именно самогонка, гостеприимно доставлявшаяся в заведении Карпова. Именно он, подсудимый, толкнул самоубийцу под вагон трамвая.

Но здесь не только лишнее бремя на совести Карпова—здесь, кроме того, вероятно, и новое преступление. Куда, в самом деле, делись три миллиарда, бывшие в кармане у Петухова при его последнем посещении чайной?

Что деньги при его приходе в чайную с ним были, а после рокового пьянства исчезли, об этом мы знаем от вдовы Петухова, из ее глубоко искреннего, бесхитростного рассказа, не верить которому у нас нет никаких оснований. Куда же исчезли эти деньги?

Твердых данных на этот счет мы не имеем, но вся совокупность обстоятельств говорит против Карпова, а также его помощника Смыги в этом пункте.

Дело предположительно, но с большей дозой вероятия рисуется так: покойного Петухова, со-

вершено опьяневшего, угодливый Смыга выволок из заведения—дело было, как показывает обвинительный протокол, поздно вечером, перед закрытием—и стал запирать. Сколько было в это время посетителей в чайной и в каком состоянии трезвости они находились, мы не знаем, но позволительно предположить, что охмелевшего Петухова Смыга стал обыскивать, хотя бы для того, чтобы вытащить следующее за самогонку. Петухов был завсегдаем, был постоянно в долгу у Карпова—возможно, значит, что с ним именно так поступили! А когда нашли большие деньги, соблазнились ими и, поделили их между собой. Благо, пьяному море по колени: когда хватаются денег—их, похитителей, там не будет, и все припишут краже, совершенной гденибудь в другом месте. А их дело сторука.

Но всех этих предположений было бы недостаточно, не найди мы в показании Петуховой, данном на предварительном следствии, весьма ценной подробности: оказывается, что когда овдовевшая внезапно Петухова пришла в чайную с воплями и проклятиями, Карпова дала ей, Петуховой, несколько штук детского платья, довольно дорогих, и пару детской обуви, еще совсем крепкой. И самое главное—она сделала этот, немалый по нынешним временам, подарок с согласия своего мужа.

Алчный скопидом, жадный приобретатель—и вдруг разрешил своей жене подарить вдове одного из своих клиентов довольно ценные вещи, вместо того, чтобы выгодно продать их на базаре! Не странно-ли это?

И—какая необычайная скромность, чисто „евангельская“!—оба они, и наивная до крайности Агафья Карпова, и хитрый, себе на уме, Карпов Тихон промолчали об этом своем „христианском“ подвиге здесь на суде. Им бы этим подвигом по-

хвастать, каменные сердца судей попытаться смягчить—а они стыдливо молчат про это! Разве это не подкрепляет невыгодного предположения нашего о роли Карпова в исчезновении петуховских денег?

Раз деньги эти попали в руки Карпова, то естественно и это подношение „от щедрот своих“: так именно заглаживают свои преступления подобные пиявки. Ограбив на миллиард, они бросают подачку в сто миллионов, чтобы отделаться, чтобы обезоружить ропот и протесты ограбленных.

Таковы основные черты этого процесса, таковы его тайные пружины и движущие силы, таковы его герои и жертвы. Подсудимые не только нарушали формальный закон Советской Республики—они в корне подтачивали народное здоровье и народное хозяйство. В момент, когда голод только начал отпускать свои железные, как клещи, объятия, в которых задыхаются трудящиеся,—Карповы и Смыги, крупные и мелкие, тратят драгоценную муку и сахар на отраву!...

Они подтачивают здоровье народа, они отодвигают момент его хозяйственного возрождения, они ведут, при всей „аполитичности“ своего промысла, прямой поход против революции и ее достижений.

И душе этого преступления, Тихону Карпову, суд вынесет заслуженно суровый приговор, который навсегда отобьет у него охоту спекулировать на народной слабости к вину, на людской темноте и бесхарактерности.

Карпова Агафья, несомненный пособник своего мужа, тоже достойна наказания, хотя налицо имеются существенные смягчающие ее вину обстоятельства.

Дмитриева Павла я полагал бы привлечь к ответственности за соучастие, но, ввиду его несовершеннолетия, передать все дело о нем в Комиссию по делам о несовершеннолетних.

Наконец, в отношении Кузьмы Смыги, роль которого довольно полно выяснилась только здесь, на процессе, я ходатайствую перед судом о привлечении его к ответственности по обвинению в соучастии.

Что касается вопроса об исчезновении денег из кармана у Петухова, то я также ходатайствую о назначении следствия по этому делу.

В заключение напомним потрясающие картины, какие нарисовал нам врач-эксперт. Эти картины постепенного разрушения организма под влиянием алкоголя вообще, а разных самогонок, денатуратов и пр. в особенности, когда вслед за телом разрушается характер, вся личность человека,—они сами по себе еще не привели бы нас в такой ужас, еслибы не тягчайшая опасность, которая кроется здесь для потомства, для всей массы трудящихся.

Когда суд удалится на совещание, он взвесит всю громадность этой опасности для нашей молодой трудовой страны. Задачи невероятной трудности окружают нас со всех сторон. Только величайшее напряжение всех живых сил даст нам победу, даст возрождение—и потому каждый работник, каждая пара трудовых рук у нас на счету. И мы не позволим растрачивать эти силы по кабакам.

Пусть в явных кабаках разоряют себя и губят себя и свое потомство—праздные кутилы—их нам не жаль, но от людей честного труда—руки прочь!

Вот чего ожидает революция от приговоров по делам, каково нынешнее дело.

Председатель. Слово принадлежит защитнику.

Защитник. Я попытаюсь несколько ослабить удар, занесенный над моими подзащитными. Заранее оговорюсь: я не ходатайствую об их полном оправдании, а лишь о смягчении их участи.

Ошибка государственного обвинителя заключается, по моему, в том, что он берет обвиняемых

вне их прошлого, вне социальной среды, их породившей, вне тех общих условий, которые не ими были созданы и не их ничтожными силами могли быть изменены и улучшены. То самое, что государственный обвинитель склонен толковать во вред обвиняемым, я, наоборот, считаю источником возможной к ним снисходительности.

Вспомним, прежде всего, прошлое Карпова. Живя сравнительно близко от Петербурга, он за всю свою жизнь, оказывается, ни разу не выезжал из родного села, до самой войны, когда знакомый помещик вытащил его, призванного на военную службу, к себе в деньщики. Если бы он и бывал в Петербурге, царских времен, много ли честного и справедливого он, простой крестьянин, мог в нем позаимствовать? Жизнь шла корявая, косная, впивая, беспросветная.

Но какое-то смутное тяготение в свету, к знанию в нем тлело, и когда подрос сын, Карпов не колеблясь отдал его в школу, и даже не в свою, сельскую, а в Шлиссельбург, в уездное училище. Не жалел денег на его образование, и даже теперь, вот, при обыске, в чайной нашли между прочим, старые учебники покойного мальчика. Но к судьбе этого мальчика мы еще вернемся дальше, а теперь продолжим разбор судьбы самого Карпова.

Грянула война, его позвали служить в войсках. За что, ради кого—он не понимал, да ему и не разрешалось понимать: надо было беспрекословно и туго повиноваться начальству. Внутренним же, инстинктивным чувством он не мирился с войной, он отрицал ее и боялся ее последствий.

Мог ли он, в таких условиях, отвергнуть соблазнительное предложение—наполовину приказ—местного помещика, ставшего теперь офицером, пойти к нему в деньщики?

Если государственный обвинитель ставит в вилу—и вполне заслуженно, конечно, Карпову тот факт, что он своей самогонкой искушает слабых и бесхарактерных бедняков, то разве и сам Карпов не был, в начале своей дельщицкой и буфетной карьеры, жертвой такого неодолимого искушения?

Этот помещик, новоиспеченный капитан, спаситель отечества, предложил ему сравнительную безопасность от немецких пуль и сытое, легкое существование. Взамен он должен был лизать сапоги своего благородия, то-есть делать дело, которое тогда и с амвона в церквах, и в печати, и с „высоты трона“ об'являлось делом полезным, достойным, нужным родине. Многие ли на его месте устояли бы от соблазна? Не устоял и он, а дальнейшее шло уже само собой, как цепь причин и следствий.

Когда в Варшаве наши „доблестные“ защитники престола вознаграждали себя за свои подвиги ратные устройством пьяного притова, выбор „благородетеля“, который вывел Карпова „в люди“, пал, между прочим, и на него, Карпова, и он был рукоположен в сан буфетчика при офицерском собрании. Душу простого работающего мужика-земледельца продолжали пакостить и уродовать, теперь уже за сияющей огнями буфетной стойкой.

Его отравляли легкими и сравнительно большими деньгами—мудрено ли, что впоследствии и он стал отравлять других так, как умел, то-есть все тем же спиванием? Это единственное, чему научили его господа на военной службе—и неужели же всю тяжесть такого преступления, которое сегодня привело его на скамью подсудимых, мы будем возлагать на него одного?

„Веселие Руси—пити“—старая, гнусная поговорка и оправдание русского человека, и Карпов,

укрепив свою веру в это изречение на примере сотен образованных и культурных людей, своих начальников, постоянных посетителей офицерского клуба, стал и сам доставлять это „веселие“. И он, Карпов, и его жена Агафья, искренно убеждены в том, что и сейчас можно жить, руководясь одними только старыми пословицами, ибо, ведь, „пословица не даром молвится“. Тем более, что „вольному воля, спасенному рай“.

Ведь у них, в чайной, никого силком пить самогонку не заставляли—недоумевают обычно Карповы этого типа. Кто не хочет пить—не надо, я никому даже и не скажу сам. А потребует гость, так его воля. Чай не маленький, сам понимает, что вредно, а что нет.

Больше того: в глубине души у моего подзащитного и сейчас, вероятно, шевелится недоумение и горечь: вот тебе и свобода! Какая же тут свобода, если я не могу по своему поступать: хочу—пьянствую, хочу—трезвенником живу! И он, Карпов искренно не поймет вас, если вы станете доказывать, что еслибы он даже не для других самогонку варил, а только для себя, то и это было бы преступлением, как преступление совершает тот, кто поджигает свой собственный дом.

Изготавливать яды никому не разрешается—исключая, конечно, яды медицинские, которыми заведуют лаборатории—а самогонка есть именно яд, вроде стрихнина, как мы слышали от врача-эксперта.

Еще у Агафьи Карповой, более отычливой по натуре, шевельнулся ужас при мысли о тех разрушениях в организме пьяниц, о которых мы слышали от эксперта, но Тихон Карпов и здесь не может до конца поверить на счет этих разрушений и считает эти страхи преувеличенными. От этого и его роль соблазнителя и продавца

отравы представляется ему менее мрачной. Но главное—он не только причина привычки к пьянству десятков людей, но и сам жертва более общих условий, которых он изменить был не в силах: об этом мы не должны забывать при нашей оценке. Тем более не должны мы забывать общих условий при оценке остальных участников процесса.

Агафья Карпова воспитана в слепом страхе бога столько же, сколько и в страхе своего мужа. Он для нее единственный источник нравственных норм, единственный непререкаемый судья. С формальной точки зрения ей можно, конечно, поставить в вину даже не только участие и пособничество в преступлении мужа, но и недонесение: она знала, в течение долгого времени знала о проделках мужа и не донесла на него властям, покрывала его. Но это только с формальной стороны, ибо за что, спрашивается, могла уцепиться эта бедная, скудная душа, дочь ряда рабских поколений?

Неграмотная, лишённая даже радости материнства—единственный сын, как мы знаем, трагически погиб еще в 1915 г.,—она вся целиком была предоставлена во власть мертвому прошлому, гнилому, издыхающему миру...

Отчасти то-же самое приходится сказать, хотя на первый взгляд это и кажется странным, и о половом Смыге, цветущем 22-х летнем человеке. Революция своим железным плугом пашет все еще недостаточно глубоко, и целые пласты трудящихся остались вне ее палящего и оздоравливающего дыхания. Внешняя самоуверенность, даже нахальство Смыги не должны помешать нам заглянуть поглубже внутрь этой изуродованной природы: под ними таится глубокий страх жизни, трусливая зависимость бедняка от „работодателя“.

Но если Карпов с женой окончательно сложив-

шися люди, от которых новой России уже нечего ждать, то Смыга еще может проснуться, может выпрямиться душевно. Я в этом пункте согласен с государственным обвинителем: по моему, имеется достаточно данных для привлечения его, Смыги к ответственности за соучастие в изготовлении и торговле самогонкой, или, по крайней мере, только в торговле ею; покуда такое привлечение не состоялось, я ограничиваюсь в отношении его сказанным.

Равным образом, иначе, как с полным сочувствием невозможно отнестись и к тому, что сказал государственный обвинитель о буфетном мальчишке Дмитриеве: оставить его в той же развращающей обстановке пьяной чайной было бы преступлением.

Но я решительно протестую против оценки нескольких пунктов в прошлом Карпова, которые отмечены государственным обвинителем, как обстоятельства, сильно отягчающие виновность Карпова.

Мало того: обвинитель считает даже возможным ходатайствовать о новом привлечении к суду, он подозревает Карпова и Смыгу в краже денег из кармана у пьяного Петухова. Основания для этого у обвинителя более чем шаткие, улики заменены догадками и искусственными сближениями. То, что могло быть, обвинитель ставит на место того, что было на деле.

О том, что деньги были похищены этими лицами, не говорит даже несчастная Петухова, несмотря на всю ее ненависть к Карпову, которого она, с полным основанием, считает ближайшей причиной отчаяния и самоубийства своего мужа. Даже ей такое подозрение и в голову не приходит, а ведь, будь это так, ее материальное положение сразу улучшилось бы; кооператив уделил бы ей часть возвращенных ему денег.

Ни одного свидетеля роковой сцены в чайной

мы не видели, и никаких объективных данных в пользу такого подозрения не может привести даже обвинитель. Впрочем—нет: один, на первый взгляд убедительный факт есть в его распоряжении.

Карпова—с торжеством устанавливает обвинитель—вскоре после гибели Петухова сделала, и притом с согласия своего мужа, несколько ценных подарков овдовевшей Петуховой. Ясно—торжествует обвинитель, что Карповы этим хотели замазать рот Петуховой, задобрить ее, выказать притворное сочувствие после того, как сами ограбили ее мужа!

Но вспомните, что именно подарила Петуховой Карпова. Это было несколько вещей их платья и обувь мальчика.

Это было все, что оставалось от трагически погибшего их сына, которому в Варшаве, в клубе, было поручено отцом что-то такое сделать на кухне, где поблизости стояла бутылка со спиртом. Произошел пожар, и мальчик в страшных мучениях погиб.

Об этом происшествии сохранилась газетная заметка в варшавской газете того времени, которая приобщена к делу.

Есть, значит, все-таки даже в омоложденной, исковерканной душе Карпова, а тем более в тоскующей по умершему мальчику материнской душе Агафьи Карповой, есть в них обоих один чистый, не замазанный уголок—это память об их мальчике. Она дорога им, и его вещей они не хотели продавать. Карпова иногда вынимала их из сундука и перебирала, и плакала...

И вот, овдовевшей Петуховой Карпова, сочувствуя ей и сострадая, подарила то, что оставалось после сына. Что же тут преступного, что тут подозрительного или подтверждающего подозрительность обвинителя?

Есть еще один пункт, на котором обвинение пытается тоже отягчить положение обвиняемых и их ответственность. Это—вопрос о наличных средствах Карпова. Обвинитель хочет внушить нам мысль, что Карпов брал также вещи в заклад, выдавая под них самогонку, и опутывал своих клиентов долгами. Что он давал в долг, мы знаем только в отношении Петухова, но ведь, он был свой человек, так сказать, другихже фактов этого рода мы не слышали.

О закладе мы и совсем ничего не знаем. При обыске никаких подозрительных вещей, явно чужих, принятых в заклад не оказалось. Мы не должны поддаваться непосредственному впечатлению.

Суд не может руководиться тем, какова его общая оценка подсудимого—для него важны определенные деяния, только они подлежат каре закона. И как бы антипатичен ни был этот торговец самогонкой нашему революционному сознанию, мы не станем легкомысленно приписывать ему новых преступлений. Сводя воедино все сказанное и заканчивая свою речь, я призываю суд учесть при постановке приговора Карпову смягчающие его вину обстоятельства, а Карповой установить наказание условно: ее чистосердечное покаяние здесь, на суде, свидетельствует о том, что вся ее вина—не от злой воли и не от жадности, а только от темноты, унаследованной от веков гнета и рабства!

Председ. Не имеют ли обе стороны сделать какие-либо дополнительные замечания?

Обвин. и Защ. Нет, не имею.

Председ. В таком случае об'являю прения сторон законченными. Обвиняемый Карпов, не имее-те ли вы надобности сделать заявление или сказать ваше последнее слово перед суждением суда о приговоре?

Карпов. Многое, господин, товарищ судья, хо-

телось бы мне сказать. Вот они, (*показывает на Обвинителя*) очень меня обижали. Много правильного против меня говорили, а не мало и выдумки и придирок. Я человек простой, на медные деньги ученый, мне так складно не сказать, как они, вот, или товарищ-защитник. Грешен я, очень грешен перед народом, и баба моя, хоть и глупая, верно об этом сказала, да ведь жить-то надо? Пить-есть надо? А я ничего больше не умею делать, кроме как торговать, да обмеривать, да водку варить. От земли отбился вконец, забыл, как косу в руки взять. Не судите строго, правосл... товарищи, не буду я больше этим делом заниматься! - И бабе своей велю бросить, и Смыгу тоже на другое дело поставлю. Не погубите!

Председ. Обвиняемая Карпова, можете сказать ваше последнее слово.

Карпова. Сама я, батюшка, глупая, и слово у меня одно только и есть, глупое слово: помиуйте вы моего Тихона! Он только сваружи такой жадный, а внутри горе можжит его: все про сына нашего вспоминает, да плачет. Со мной уж что хотите делайте, а его помиуйте, христом богом вас прошу! (*кланяется о ноги*).

Председ. Встаньте, гражданка Карпова! Стыдно на колени становиться: рабская это привычка. Судоговорение закончено. Суд удаляется для совещания. (*Члены суда уходят в соседнюю комнату*).
Пауза. Суд возвращается.

Секретарь. Суд идет, прошу встать. (*Все встают*).

Председ. (*читает*). Именем РСФСР Народный суд, в составе председателя тов. Ковальчука и заседателей Павловского и Сидоровой, разобрал в заседании своем от 3-го сего апреля дело по обвинению гр. Карпова Тихона и жены его Агафьи Карповой по обвинению первого в выделке и тор-

говле самогонкой, а второй в пособничестве в этом преступлении, выслушал показания потерпевших, свидетелей, экспертизу, обвинение, защиту и последнее слово обоих обвиняемых и постановил: признать обвинение в отношении обоих доказанным. Принимая во внимание общее невежество обоих обвиняемых, особенно же Агафьи Карповой, в частности невежество в вопросе о крайней губительности самогонки для человеческого организма и варки ее для народного хозяйства трудовой Республики, а также учитывая неблагоприятные условия предшествующей жизни обвиняемого, особенно Карпова Тихона, суд постановляет:

Карпова Тихона, лишить свободы на один год со строгой изоляцией и оштрафовать на 150 руб. золотом, а Карпову Агафью лишить свободы сроком на полгода, но наказание это ей считать условным. Кроме того, подсудямым вменяется в обязанность определить Дмитриева Павла и содержать на свой счет в учебном заведении по его, Дмитриева выбору до совершеннолетия.

Обнаруженные при обыске запасы самогонки уничтожить, а самогоночное оборудование и специальную посуду обратить в доход казны.

Ходатайство о привлечении к ответственности по этому же делу свидетеля Смыгу как соучастника признать подлежащим удовлетворению, ходатайство же о начатии следствия против тех же Карпова и Смыги в похищении трех миллиардов рублей у ныне покойного гр. Петухова, как основанное на недостаточных данных, оставить без последствий.

Кассационная жалоба может быть подана обвиняемым, в случае их несогласия с приговором, в двухнедельный срок.

